
ТЕРМИНОСИСТЕМА АРГУМЕНТОЛОГИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Л. Г. Васильев

Калужский государственный педагогический университет

Аргументология, или теория аргументации – дисциплина, активно развивающаяся в настоящее время в зарубежной науке. В отечественных работах аргументология исследуется преимущественно в Санкт-Петербургском университете (на философском и филологическом факультетах), в Пятигорском лингвистическом университете, в Калужском педагогическом университете. Самая значительная подвижническая роль, несомненно, принадлежит Санкт-Петербургским ученым, издавшим три монографические работы переводного характера по аргументологии [1; 2; 3]. Поскольку аргументологическая парадигма – явление в отечественной (особенно лингвистической) науке достаточно новое, не удивительно, что некоторые вопросы метаязыка заслуживают отдельного рассмотрения как в плане концептуальном, так и в переводческом аспектах.

ПРОБЛЕМА МЕТОДА РАССУЖДЕНИЯ

В аргументирующем дискурсе, построенном на рационалистических принципах – будь то рассуждение, обсуждение, спор, дебаты и т.п., – главенствующее место принадлежит обеспечивающему компоненту коммуникативного процесса, а именно, системе рассуждения, которой пользуются коммуниканты.

На практике выбор системы рассуждения подчиняется прагматическому принципу, который можно сформулировать в виде совокупности следующих вопросов: (1) какая из возможных систем наиболее адекватно “работает” для правильного понимания состава, структур и – главное – правильности аргумента? (2) если аргумент неправилен, то почему – (2а) из-за неверного или недостаточного состава? (2б) из-за его некорректного построения? или (2в) из-за того и другого вместе?

Выбор системы прагматически ориентирован и в другом отношении. Если аргумент правилен (согласно системе), то его следует принять. Однако будет ли он на самом деле принят реципиентом? Иными словами, насколько операбельна система проверки (а) правильности и (б) пригодности ар-

гумента? т.е., есть ли четкий алгоритм применения системы или все основывается на эвристиках, которые очень сложно описать, а еще сложнее – систематизировать (а ведь систематизация – одна из основных задач научного поиска, который должен лежать в основе рациональной деятельности, в том числе, дебатов)? Для того, чтобы дать более или менее четкие ответы на эти вопросы, следует вспомнить, какие системы рассуждения обычно применяются в трудах по аргументологии. Предполагая, что не все читающие данную статью являются специалистами в логике или в аргументативных системах, я позволю себе давать некоторые пояснения, которые могут показаться избыточными для специалистов, но полезными для более широкого круга читателей.

Традиционно к способам правильного получения вывода в аргументологии относят **дедукцию** и **индукцию**. Научные трактовки этих методов далеко не однозначны. Поэтому целесообразно посмотреть, насколько они пригодны для анализа естественно-языковых аргументов как в дебатах, так и в ситуации анализа письменного аргумента.

Дедукция и ее некоторые характеристики

Дедуктивным принято считать умозаключение, которое при 100 %-ной истинности посылок обеспечивает 100 %-ную истинность вывода. Дедуктивный аргумент считается неадекватным лишь по двум причинам – если ложны его посылки и если некорректен (невалиден) способ доказывания. В дедуктивном аргументе при истинности посылок и валидности доказывания вывод не может быть ложным – *tertium non datur*. Поэтому для анализа реальной аргументации дедукция традиционно считается малоприменимой на том основании, что аргументируя, мы постоянно взвешиваем “да” и “против”, устанавливаем, насколько вывод совпадает с нашими собственными воззрениями – полностью, частично, или вовсе не совпадает.

При определении дедукции обычно считается, что количество информации в выводе никогда не превышает количество информации в посылках. Информация в этом случае обычно трактуется с логических позиций – как логические постоянные А, В, С или как логические переменные р, г, q.

Однако такое понимание информации представляет собою результат применения операции редукции. Ф. Ёмерен [4, 10-11] относит их к 5-му и 6-му уровням научно-логической абстракции. Эти уровни следующие.

1-й уровень – абстракция исследовательского приема – когда рассмотрение аргумента производится в отрыве от ситуации, в которой этот аргумент употреблен. В результате дискурс интерпретируется так, что некоторые имплицитные элементы становятся эксплицитными.

2-й уровень абстракции заключается в деперсонализации, т.е. аргумент рассматривается независимо от коммуникантов, т.е. как уже отдельное изолированное образование.

3-й уровень абстракции предполагает редукцию трансформации, когда аргумент приводится к так называемой стандартной форме. Здесь языковое оформление аргумента универсализируется, т.е. компоненты аргумента в репликах для удобства выделения посылок и вывода получают полное двусоставное оформление. Например, вместо реплик в диалоге о преподавателе “Ну и?” – “Да пошел он!” употребляются “Как он объясняет?” – “Он объясняет плохо”.

4-й уровень абстракции предполагает две противоположные, но разнонаправленные операции (одна – на операторы, другая – на компоненты аргумента): (а) вербализацию логических связей типа *если ... то; или; и; нет/неверно, что...* и (б) девербализацию содержания компонентов аргумента, т.е. устранение их собственно языкового наполнения в конкретном языке и трансформацию их в сентенциональные постоянные (эквиваленты пропозиций), выраженные заглавными буквами А, В, С.

5-й уровень - это логикализация естественно-языкового наполнения аргумента, т.е. замена вербализованных логических связей на их невербализованный логический вариант \rightarrow , \neg и др. Естественно-языковое наполнение аргумента здесь элиминируется, и именно на этом уровне появляется понятие “значение истинности” (truth value), т.е. истинно или ложно конкретное высказывание, воплощенное в логико-константной форме, т.е. выраженное при помощи “сверток” – символов А, В, С.

6-й уровень предполагает логическую десемантизацию, когда в аргументе остаются только логические субституты, лишённые значения (заглавные буквы уступают место символам p, r, q). Эта десемантизация основана на деспецификации;

иными словами, происходит абстрагирование от конкретных свернутых аргументов о конкретной ситуации, так что вместо логических постоянных используются логические переменные.

Такой путь абстрагирования делает прямое применение формальной логики непригодным для понимания тонкостей анализа аргументов, выраженных на естественном языке.

Особенности вывода в дедукции: необходимость алгоритма. Выше уже упомянуто, что при определении дедукции считается, что количество информации в выводе никогда не превышает количество информации в посылках. Иными словами, часто говорят, что в дедукции отсутствует (эпистемическая) новизна вывода. Ведь логически дедукция – это лишь способ комбинирования информации, содержащейся в посылках аргумента с последующим перенесением части этой информации в вывод. А поскольку эпистемологического изменения информации нет, то дедуктивный вывод является *нейтральным* и, соответственно, *объективным*; поэтому каждый, кто принимает посылки, должен по необходимости принять и вывод. Такая необходимость предполагает, что вывод должен быть принят вне зависимости от интенции субъекта, как объективная необходимость.

Однако здесь сразу же встает вопрос о том, насколько такая объективная необходимость согласуется с осознанностью. Иными словами, обусловлена ли необходимость принятия вывода тем, что он осуществляется как бы автоматически? Ведь в случае автоматизма можно ставить вопрос о ненужности рефлексивного анализа аргумента: если при правильном выборе системы рассуждения вывод является объективно необходимым, не будет ли он получен в любом случае, без особого труда для рассуждающего?

Представляется, однако, что если вывод автоматичен, то он получается скорее всего (или очень часто) неосознанно, т.е. на основе эвристики. Если же он не-автоматичен, то его получение должно быть совершено при помощи намеренных мыслительных операций – рефлексии.

Поскольку вывод в дедукции считается объективным, такие операции, скорее всего, будут носить характер, независимый от субъективных наслоений. Иначе говоря, эти операции подчиняются принципу алгоритма. Алгоритм же в общепринятом определении – это система, или последовательность действий, механическое выполнение которых приводит к однозначному результату. При этом алгоритм – это не естественное, а конвенциональ-

ное образование. Итак, для получения дедуктивного вывода требуется алгоритм.

Поскольку алгоритм представляет собой пошаговую систему действий, рассмотрение *семантики* его компонентов представляет собой, по видимому, отдельную задачу, не связанную с собственно получением вывода. Логично тогда предположить, что один и тот же алгоритм может быть применим к получению вывода из суждений с различной семантикой. Например, алгоритм Modus Ponens используется для аргументов с самой разной семантикой. Различия же в семантике суждений связаны помимо прочего с приемлемостью самих суждений для разных коммуникантов.

Из вышесказанного следует, что алгоритм как динамическая операция не зависит от статического статуса семантики компонентов аргумента. Например, компоненты высказывания, будучи изолированными, могут не вызывать вопросов и сомнений у коммуникантов. Соединение компонентов в суждение и высказывание совершается по алгоритму (пусть языковому, например, по синтаксическим и морфологическим правилам). Полученное высказывание уже может вызывать сомнения в том, насколько оно приемлемо для того или иного коммуниканта. Однако это сомнение (особенно у наивного коммуниканта) будет обращено не на *процедуру* соединения компонентов высказывания, а, прежде всего на *результат* этого соединения, т.е. на результат алгоритма. При этом один и тот же результат может оказаться в разной степени приемлемым для разных коммуникантов – у одних полученное суждение-вывод не вызовет ни малейших сомнений, у других возникнет возражение.

Вот этот факт, т.е. то, что для какого-то одного коммуниканта одно и то же суждение оказалось истинным, а для другого нет, и свидетельствует в пользу моего положения о независимости алгоритма от понятия истинность. При этом истинность в данном случае берется не в привычной ее логической трактовке, а в индивидуально-эпистемическом толковании. Поэтому для такого толкования будет уместным применение несколько парадоксального, на первый взгляд, понятия *относительная истинность*. Отсюда можно сделать вывод: один и тот же алгоритм (но не обязательно любой) может быть применен для получения и истинных, и вероятных, и сомнительных выводов.

Иными словами, дедуктивные процедуры могут оказаться пригодными и для получения выводов, истинность которых не стопроцентна, т.е.

действительна не для всех коммуникантов. Это положение можно тогда считать обоснованием того, что дедуктивные алгоритмы применимы для индуктивного типа рассуждений, если под индукцией понимать не истинный, а вероятностный вывод.

Итак, дедукция как традиционный комплексный метод в семантическом отношении для анализа естественно-языковых аргументов малоприменима. Однако ее алгоритмы могут применяться и за ее пределами. Перейдем к индукции.

Индукция и ее характеристики

В традиционном понимании индукция противопоставляется дедукции в том, что при истинности посылок вывод получается не истинным, а лишь в разной степени вероятным. Различают полную и неполную индукцию.

В *полной* индукции делается вывод о классе на основе знания обо всех членах этого класса, например: *В понедельник, вторник, среду, четверг, пятницу, субботу и воскресенье. на прошлой неделе шел дождь. Значит, всю прошлую неделю шел дождь.*

В *неполной* индукции делается вывод о классе на основе знания о некоторых членах класса. Это эnumerативная индукция.

Неполная не-эnumerативная индукция разбивается, согласно Дж.С. Миллю [8], на 4 типа: по сходству, по различию, по остатку и по сопутствующим изменениям.

Метод сходства: если явление возникает в результате других явлений, у которых все различно, кроме признака X, то именно X является причиной этого явления.

Метод различия: если явление возникает в связи с целым рядом признаков и не возникает, когда есть все эти признаки, кроме X, то X будет причиной этого явления.

Метод остатков: если явление вызвано признаком A, а при наличии дополнительного признака X меняет свои качества, то причиной этого изменения является X.

Метод сопутствующих изменений: если явление имеет ряд признаков но изменяется при изменении одного лишь признака X, и по свойствам, характерным именно для X, но не для других признаков, то X будет причиной явления.

В настоящее время индуктивная логика все больше становится логикой вероятностей. В аргументативных исследованиях, начиная еще со С. Тулмина [12], используют индуктивные, а не дедуктивные системы, ибо понятия естественного языка никогда не бывают полностью идентичными

у разных людей, и поэтому объективно никогда и не будут истинными. В частности, индуктивная логика используется в диалектическом (диалоговом) подходе к аргументации [ср.: 6]. При этом индукция понимается прежде всего как система, посылки и выводы в которой не имеют 100%-ного значения истинности; иными словами, система обычно берется в семантическом ракурсе, но не в алгоритмическом, при котором операции могли бы принципиально отличаться от дедуктивных.

Дедукция, индукция и абдукция

Еще одна разновидность умозаключения – это абдукция. Этот термин был введен Ч. Пирсом. В логической системе Ч. Пирса основные типы рассуждений (“аргументов”) – дедукция, индукция и абдукция.

Индукция, по Ч. Пирсу, предполагает, что все члены некоторого класса или некоей совокупности обладают теми же признаками, что установлены лишь для отдельных членов классов/совокупности. В индукции (тракуемой как силлогизм) рассуждение осуществляется от двух частных посылок к общему заключению.

Индукция у Ч. Пирса разделяется на три валидных разновидности – грубую, количественную и качественную.

– **Грубая индукция** – это рассуждение о вероятности общего на основе незначительного числа фактов, ее можно опровергнуть простым контр-примером. Ч. Пирс называет ее также “несерьезным” (rooh-rooh) аргументом, который состоит в отрицании того, что события некоторого типа могут произойти, ибо раньше таких событий не случалось [10, 269].

– **Количественная индукция** – наиболее сильный тип индукции, основанный на математической теории вероятности. В этой индукции используется аргумент, основанный на методе случайной выборки.

– **Качественная индукция** по силе располагается между грубой и количественной. Это индукция здравого смысла, верификация общего прогноза, т.е. та, которая наиболее часто используется в обыденной аргументации.

Индуктивные и абдуктивные силлогизмы значительно отличаются от дедуктивных, и различие заключается в компоновке частей силлогизма. Дедукция считается аналитическим видом рассуждения, индукция и абдукция – синтетическим. Индуктивный силлогизм отличается от дедуктивного тем, что “факты, суммированные в выводе, не являются фактами, зафиксированными в посылках”

[10, 680]. Имея один и тот же набор пропозиций, можно, согласно Ч. Пирсу [10, 623], проиллюстрировать названные типы аргументов так: **Дедукция:** Правило: *All beans from this bag are white.* Частный случай (case): *These beans are from this bag.* → Результат: *These beans are white.* **Индукция:** Частный случай: *These beans are from this bag.* Результат: *These beans are white.* → Правило: *All beans from this bag are white.* **Абдукция:** Правило: *All beans from this bag are white.* Результат: *These beans are white.* → Частный случай: *These beans are from this bag.*

Из приведенных примеров видно, что Правило, Частный случай и Результат соответствуют Большой посылке, Меньшей посылке и выводу в аристотелевском категорическом силлогизме. Однако то, что Ч. Пирс меняет местами семантические типы пропозиций в индукции и абдукции, по сравнению с дедукцией, приводит к неодинаковым последствиям. В самом деле, если в индукции не составляет особого труда идентифицировать Правило в качестве заключения, то в абдукции распознавание заключения затруднено, поскольку Результат и Частный случай суть явления одинаковой степени общности (по Ч. Пирсу, они являются Частными суждениями), и сказать, почему одно из них является Результатом, а другое Частным случаем, затруднительно.

Понятие абдукции развивается в настоящее время в неформальной логике Дж. Вудсом и Д. Волтоном [ср.: 13]. Согласно [9, 14], абдукция имеет форму, основанную на следовании **принципу наилучшего объяснения:** Д – это факты. Ни одна гипотеза не объясняет Д лучше, чем Г. Следовательно, скорее всего, Г истинна. Ср. пример Джоузефсонов:

А: Почему ты поворачиваешь к этой АЗС?

Б: Потому что в баке почти не осталось бензина.

А: А откуда ты сделал такой вывод?

Б: Потому что стрелка топлива почти на нуле.

К тому же у меня нет оснований считать, что индикатор испортился, и потом я давно не заправлялся.

В этом примере, в отличие от примера Ч. Пирса, даются 2 альтернативные гипотезы поведения стрелки манометра. Одна – что бензобак почти пуст. Другая – что манометр испортился. Но коммуникант А дает дополнительный довод в пользу своей гипотезы – он помнит, что давно не заправлялся. Этот дополнительный довод и оказывается решающим в выборе гипотезы.

Абдукция, как и индукция связана с не 100 %-ной истинностью вывода. В настоящее время индукция понимается преимущественно как вероятностный тип умозаключения и этим она сходна с абдукцией. А учитывая, как уже было сказано, что частный случай и результат бывает трудно различить, необходимо установить, в чем состоит отличие абдукции от индукции. Это отличие видится в следующем.

Индукция соотносится с понятием вероятности (probability), а абдукция – с правдоподобностью (plausibility). В вероятности устанавливается ряд альтернативных взаимоисключающих пропозиций, а выбор конкретной из них осуществляется на основе внутреннего содержания каждой. В правдоподобности альтернативы сравниваются уже не на основе своего внутреннего содержания, а на основе внешних, контекстуальных условий, которые могут подкреплять альтернативы [11, 30–31]. При этом в правдоподобности две альтернативы могут сосуществовать, а не взаимоисключать друг друга.

Так, возьмем пример Коракса, цитируемый Аристотелем о судебном разбирательстве по поводу драки между хилым и атлетически сложенным людьми. Каждый отстаивает свою позицию. Хилый утверждает, что он не мог начать драку, потому что это с точки зрения здравого смысла было бесперспективно – атлет намного сильнее его. Атлет утверждает, что и он не мог начать драку – ведь судьи сразу бы заподозрили в этом именно его, а виновен в драке именно хилый, так как предвидел, что судьи так и поступят. С индуктивной точки зрения, драку мог начать либо один, либо другой – если велика вероятность, что драку начал один, то велика вероятность, что другой драку не начинал. С абдуктивной точки зрения, если правдоподобно, что драку начал один, также правдоподобно, что драку мог начать и другой.

Чтобы установить, какая же версия правдоподобнее, нужны дополнительные, внешние факты. Абдуктивные ситуации часто встречаются в юриспруденции. Правдоподобность – это то, что нам кажется истинным и что совпадает с другими фактами, которые нам также кажутся истинными.

НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Мы рассмотрим здесь некоторые вопросы, связанные как с собственно использованием ряда

¹ В подготовке этого раздела статьи принимала участие Ю. И. Касьянова.

терминов, так и с вопросами их перевода на русский язык. По соображениям экономии места остановимся на терминах в рамках голландской школы аргументации, идентифицирующих типологию аргументации.

Согласно парадигме прагматодиагностики, типология аргументов простирается в ориентации на следующие признаки: (1) природа различий во мнениях (единичная несмешанная, множественная несмешанная, единичная смешанная, множественная смешанная разновидности аргументации); (2) распределение ролей между участниками дискурса (протагонист, антагонист); (3) посылки и выводы, составляющие аргументы (выраженные, невыраженные); (4) аргументационные структуры (единичная, множественная, составная сочинительная, составная подчинительная); (5) схемы аргументации (на основе признака, сходства, следствия) [4, 288–289].

Надо сказать, что терминология, используемая в этой школе, представляется несколько запутанной, откуда возникают неверные интерпретации. Например, в работе [6, 93] представлена несколько иная картина. Первичное противопоставление касается единичной (single – в русском переводе неправильно: **простой** [2, 108]) и сложной (complex) структур; затем сложная разбивается на множественную (multiple) и составную (compound), а последняя – на сочинительную (co-ordinative) и подчинительную (subordinative).

Разновидности аргументации (единичная и множественная) терминологически неудачно выделяются по аналогии с разновидностями спора (dispute) – единичным и множественным. Единичный (single) спор касается исключительно одной высказанной (спорной) точки зрения (тезиса – expressed opinion), множественный (multiple) – более чем одного тезиса. Множественный спор состоит из единичных. Споры далее подразделяются на простой (simple) и составной (compound). В простом выражается лишь одно мнение о тезисе (положительное **или** отрицательное), в составном – два (положительное **и** отрицательное). Существуют простые единичные (simple single), простые множественные (simple multiple), составные простые (compound simple) и составные множественные (compound multiple) споры [6, 80]. Термин *compound simple* в русском переводе передан как *составной единичный* [2, 108] – видимо, по соображениям стиля, но в ущерб содержанию. Дублирование терминологии (в отношении споров и аргументации), однако, приводит к неоправданному

терминологическому дублированию (например, в пределах простого единичного (*simple single*) спора выделяются единичная (*single*) и сложная, множественная и составная виды аргументации)².

Различие аргументов может проводиться по признакам (а) количество обсуждаемых точек зрения (тезисов) и (б) количество приводимых аргументов (доводов). Любопытно, что разделение структурных типов аргументации зачастую фактически основано на смешении этих разных по существу критериев. Причина этого состоит в том, что оба признака являются структурными, но специфика структуры не разграничивается. Так, в переводном варианте позиции голландской школы разделяют единичную и множественную аргументацию: “при единичной форме высказывается только одна точка зрения, которая затем подвергается сомнению другой стороной” (т.е. по признаку “количество защищаемых/обсуждаемых тезисов”) и “при множественном расхождении во мнениях точка зрения базируется более чем на одной позиции (т.е. по признаку “количество защищаемых/обсуждаемых доводов” [см.: 3, 7])³.

В прагматической диалектике к этому чисто структурному признаку прибавляется еще и иные; это прагматически-коммуникативные параметры, характерные прежде всего для диалога, и в исследовательских целях представляется необходимым их эксплицировать (сделав это за голландских ученых). Так, по признаку “отношение к тезису” прагматической диалектики выдвигают фактически совокупность из двух параметров разграничения – экзистенциального и манифестационного (термины наши – Л.В., Ю.К.). По этим параметрам разграничиваются *сомнение* и *противопоставление*. Экзистенциальный критерий предусматривает, что тезис должен подвергаться сомнению со стороны одного из партнеров (это необходимое условие для тезиса). Манифестационный критерий дает возможность определить, что перед нами не просто сомнение,

² Авторы русского перевода во избежание терминологической путаницы вынуждены были прибегнуть к терминам смешанная (compound) и несмешанная (simple) дискуссии [см.: 3, 7].

³ Ср. также ошибочность переводной трактовки другого источника: “В простейшем случае достаточно одной отдельной аргументации: в этом случае **аргументация** состоит из одной имплицитной посылки” [1, 72] – в оригинале: “In the simplest case, a *single* argumentation, containing just one **argument** with, usually, **one explicit and one** unexpressed premise, will be deemed to suffice” [5, 73] (выделено нами – Л.В., Ю.К.). Очевидно, что в переводе помимо прочего не различаются термины аргументация и аргумент – в оригинале имеется в виду аргумент именно как совокупность тезиса и посылки.

но и иная точка зрения. Иначе говоря, сомнение можно выразить с помощью формулы Сомнение ^{[+экз.], [-ман.],} а иную точку зрения как Противопоставление ^{[+экз.], [+ман.].} Вербальные сигналы сомнения, по мнению Ф. Еемерена [3, 10], могут быть следующими: *я не знаю; я не очень уверен; я еще не до конца убежден; не может ли быть так, что; я не совсем понимаю, почему; мне нужно обдумать, действительно ли...*

В концепции Ф. Хенкеманс единичная (*single*) аргументация противопоставляется сложной на основе количества доводов – в единичной он один, в сложной – несколько. В составе последней выделяются множественная (*multiple*), сочинительно-составная (*coordinatively compound*) и подчинительно-составная (*subordinatively compound*), причем все они считаются явлениями одного порядка классификации (ибо перечисляются как первый, второй и третий тип отношений между аргументами) [7, 15]. Очевидно, что автор не замечает уровневого несовпадения между ними. С одной стороны, множественная явно терминологически отличается от составной, разбивающейся на два подтипа. С другой стороны, множественная и сочинительная составная предполагают наличие доводов, лежащих на одном уровне, а подчинительная составная – наличие довода иного уровня (это как бы встроенный аргумент с посылкой, которая обосновывается иной посылкой и становится тезисом второго порядка).

Разграничение составной и множественной аргументации основано у Ф. Хенкеманс на семантическом принципе \pm достаточности: во множественной доводы в достаточной мере обосновывают тезис по отдельности, в составной – только в совокупности. Поэтому во множественно аргументации достаточно приемлемости одного из доводов, а в составной – обязательно всех. На наш взгляд, взаимообусловленность доводов, их локальная когерентность может быть теоретически объяснена принадлежностью таких доводов к одному фрейму; во множественной же аргументации доводы относятся к разным фреймам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еемерен Ф., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация, ошибки / Пер. с английского / Ф. Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 207 с.
2. Еемерен Ф., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: Теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений / Пер. с английского / Ф. Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Нотабене, 1994. – 239 с.

3. *Eemeren Ф., Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф.* Аргументация: анализ, проверка, представление/ Ф. Емерен, Р. Гроотендорст. – СПб: Филологич. фак-т СПбГУ, 2002. – 154 с.
4. *Eemeren F.H., Grootendorst R., Henkemans F.S.* Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments/ F. H. Eemeren, R. Grootendorst, F. S. Henkemans. – Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1996. – 424 p.
5. *Eemeren F.H., Grootendorst R.* Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective/ F. H. Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1992. – 236 p.
6. *Eemeren F.H., Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed Towards Solving Conflicts of Opinion/ F. H. Eemeren, R. Grootendorst. – Dordrecht: Foris, 1984. – 215 p.
7. *Henkemans F.S.* Analysing Complex Argumentation: The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Com-
pound Argumentation in a Critical Discussion / F. S. Henkemans. – Amsterdam: SicSat, 1997. – 200 p.
8. *Mill J.S.* A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation / J. S. Mill. – London: Longmans, Green and Co., 1884.
9. *Josephson J.R., Josephson S.G.* Abductive Inference: Computation, Philosophy, Technology / J. R. Josephson, S. G. Josephson. – New York: Cambridge University Press, 1994.
10. *Peirce Ch.S.* Collected Papers / Ch. S. Peirce / Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. – Vol. 2. Elements of Logic. – Cambridge: Harvard University Press, 1932.
11. *Rescher N.* Plausible Reasoning: An Introduction to the Theory of Knowledge / N. Rescher. – Albany: State University of New York Press, 1976.
12. *Toulmin S.* The Uses Of Argument/S. Toulmin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 264 p.
13. *Walton D.* Abductive, Presumptive and Plausible Arguments / D. Walton // Informal Logic. – 2001. – Vol. 21. – № 2. – P. 141–169.